

**ПЕРЕВОД РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»
НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ:
ПЕРЕДАЧА НАЗВАНИЯ, ЭПИГРАФОВ
И ХАРАКТЕРА СТАВРОГИНА**

М.М. Тагиева

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», эпиграф, Ставрогин, характер, перевод, идея, оригинал, содержание.

Keywords: Dostoevsky, *The Devils*, epigraph, Stavrogin, character, translate, idea, original, content.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-06

Произведение Достоевского «Бесы» впервые публиковалось по частям в 1871-1872 годы в журнале «Русский вестник», а полностью в 1873 году в виде книги. Периодически запрещавшийся на родине писателя, роман «Бесы» переводился на многие языки мира. Для сравнения нужно отметить, что роман был переведен на немецкий еще в 1888 году, а на азербайджанский только в 2011 году. Автором перевода является профессор Мамед Коджаев. Оценивший в критической литературе «Бесы» как роман характеров и идей, М. Коджаев подходит к роману с чувствительностью достоевсковеда и переводит его на азербайджанский, тем самым внося в национальное литературоведение драгоценный вклад. Всемирно известные немецкие ученые Ф. Ницше и З. Фрейд серьезно задумывались о главном герое «Бесов» Николае Ставрогине, идея Кириллова оказала влияние на французского писателя и философа А. Камю, Петр Верховенский и его соратники исследовались итальянским режиссером Л. Висконти. В связи с этим возникает вопрос: какие достоинства «Бесов» исследовали, изучили и освоили азербайджанские ученые, исследователи, литературоведы и обычные читатели? До появления перевода к этому роману имела доступ только русскоязычная интеллигенция, и об этом произведении была написана одна кандидатская диссертация («Идеи и характеры в романе Ф.М. Достоевского “Бесы”») К.А. Умудовой, отдельная глава в монографии («Характеры и идеи Ф.М. Достоевского») М.К. Коджаева и несколько научных статей на русском языке.

Передача художественного текста Достоевского с русского на азербайджанский язык обязывает переводчика соблюдать определенные условия. Для переводчика, обратившегося к творчеству

писателя, абсолютного и совершенного знания двух языков недостаточно. Главное – быть исследователем Достоевского, знать его творчество всесторонне, так как, не владея идейным содержанием произведения, не зная характеров, их внутренний мир, душевные мучения и т.д. начинать перевод было бы бесполезной затеей.

На какие существенные моменты необходимо обратить внимание при переводе произведений Достоевского, в том числе и романа «Бесы»? На каких тонкостях нужно сконцентрировать внимание, чтобы звучание перевода являлось адекватным оригиналу? Когда перевод можно считать адекватным? Основная задача, стоящая перед переводчиком, – комплексный подход к переводимому тексту; помимо этого необходимо всестороннее и близкое знание культуры двух народов. Как звучит роман «Бесы» в переводе М. Коджаева, имеющий все вышеперечисленные качества? В поисках ответов на эти вопросы приступим к исследованию текста романа на азербайджанском языке.

Перевод самого названия романа, его спорная вариативность могла быть затруднительным моментом для М. Коджаева. В азербайджанском литературном пространстве различные исследователи по-разному преподносят слово «бесы». Одни переводят как «бесы», другие – как «дьяволы», некоторые – «черти», а четвертые – «шайтаны», хотя нужно помнить и о том, что «беснование» – это ключевое слово, затрагивающее всех героев произведения. Но Коджаев переводит название романа как «Шайтаны». Существует несколько причин. Первая из них – это словарное значение слова «бес». В русско-азербайджанском словаре академика А.А. Оруджева в статье «бес» [Русско-азербайджанский словарь, 1990-1991, с. 72] первым значением слова указано «шайтан». Вторая причина заключается в том, что до перевода М. Коджаева название романа в таком варианте представлялось в разных опубликованных в азербайджанской прессе статьях и в учебнике академика Мамеда Джафара. А с другой стороны, азербайджанские читатели и азербайджанское литературоведение уже приняли произведение под этим заголовком. Поэтому и М. Коджаев сохранил его в своем переводе.

Многозначность перевода названия романа открывает спектр длительным спорам и рассуждениям о значении наиболее подходящего слова. Но достаточно напомнить эпизод из романа: диалог Ставрогина с Тихоном о Боге и Бесе. Когда Ставрогин признается Тихону в ужасном преступлении, в насилии против ребенка, он говорит о ночных видениях, сообщает, что его посещает Бес. Хотя в романе говорится о многих бесах (о революционных бесах, атеистических и

материалистических бесах либерального Запада), центральное место занимает «зло», находящееся в глубине человеческой души.

Роман «Бесы» начинается эпитафией, взятым из восьмой главы Евангелия от Луки. Интересен тот факт, что роман, начинающийся этими словами, ими и заканчивается. Адекватная передача эпитафии, несущего в себе идейную нагрузку романа, – одно из важных условий при переводе с одного языка на другой. В конце произведения Софья Матвеевна, продающая религиозные книги, читает Степану Трофимовичу «то же самое место» из Евангелия. А Степан Трофимович в жару и бреде раскрывает значение эпитафии: *«видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Но великая мысль и великая воля осенят его свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых» <...> и будут все глядеть с изумлением...»* (Достоевский, 1974, с. 499)¹. Найдем этот отрывок в переведенном тексте: *«bilirsinizmi, bu, eyniylə bizim Rusiya kimidir. Bu şeytanlar, xəstədən çıxıb donuzun canına doluşan şeytanlar... Bütün bunlar bizim böyük və əziz xəstəmizdə, bizim Rusiyamızda əsrlərdən bəri, əsrlərdən bəri yığışmış olan xəstəliklər, üfunətlər, çirkablardır; bütün şeytanlar və şeytan balalarıdır! ... Amma onu yuxarıdan böyük fikir və böyük iradə qoruyur, elə həmin o cinli dəlini qoruduğu kimi və bütün bu şeytanlar, çirkablar, üst qatda iltihablaşmış bu iyəncliklər çıxacaq... və özləri donuzların canına doluşmaq istəyəcəklər. Bəlkə də, artıq doluşublar! Və biz, biz və onlar, Petruşa da... bəlkə də birinci olaraq mən başda olmaqla... biz – aqlını itirmişlər və cinlilər qayadan dənizə atılacaq və hamımız boğulacağıq; elə belə də olmalıdır, çünki bizim yalnız buna gücümüz çatar. Amma xəstə sağalacaq və “İsanın ayaqları altında oturacaq”... elə hey təbəssümlə baxacaq...»* (Dostoyevski, 2011, с. 642).

Цитата полностью и адекватно переведена на азербайджанский язык, если не учитывать последнее придаточное предложение: «и

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

будут все глядеть с изумлением». В данном примере слово «изумление» прозвучало на азербайджанском, как «улыбка», смотреть с изумлением и смотреть с улыбкой – это разные понятия. Уместным было бы затронуть еще один момент. Учитывая, что цитата – часть устной речи, необходимо обращать внимание на эмоциональность и порядок слов, присущие живой устной речи. Отметим, что из восьми союзов «и» в переводе сохранились только три, повторы («все эти», «вся», «вся эта») сокращены, обобщены и, таким образом, устная речь как бы подчинилась нормам письменной речи. Следующий пример, похожий на предыдущий. В эпиграфе произведения читаем: *«И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись»* (Достоевский, 1974, с. 5). Для сравнения обратимся к тексту на азербайджанском языке: *«Sakinlər baş verənləri görmək üçün yola çıxdılar, İsanın yanına gələrək, şeytanların tərktədiyi adamı Onun ayaqları altında geyincəkli, ağı başında oturan gördülər, dəhşətə gəldilər»* (Dostoyevski, 2011, с. 15). Переводчику не удалось сохранить повествовательность, а собственное имя (Иисус) заменено на местоимение (его). Такие стилистические недочеты, конечно, не могут повлиять на содержание переводимого текста, но это является вмешательством в стиль писателя. Следует отметить, что при переводе было упущено из виду дополнительное значение слово «жители».

Насколько бы удивительно это не звучало, Достоевский выбрал для романа «Бесы» два эпиграфа. Выше был проанализирован второй из них. А первый эпиграф взят из второго и шестого четверостишия одноименного стихотворения А.С. Пушкина. В стихотворении, начинающемся с описания путешественников, сбившихся с пути в штормовую ночь, поэт рассказывает о причине такого восстания природы, что разрывает и его сердце на части. Почему же Достоевский обратился именно к Пушкину и его стиху «Бесы»? Достоевский, высоко ценивший творчество Пушкина, назвавший его колыбелью и вершиной русской литературы, во время создания «Бесов» сначала хотел сделать главным героем Степана Трофимовича, всю первую часть из трех существующих посвятил ему, а затем, передумав, сделал главным героем Ставрогина. Представитель молодого поколения Степан Трофимович – как путешественник, мечущийся в разные стороны, попавший в метель, паникующий от испуга, сбившийся с пути, не знающий, в каком направлении идти. Но, несмотря на это, он пытается вести за собой целое молодое поколение, всю молодежь романа. Достоевский, цитируя Пушкина, изображает ситуацию так: *«Сбились мы. Что делать нам! / В поле бес нас водит, видно, / Да*

кружит по сторонам) (Достоевский, 1974, с. 5). Постараемся внести ясность: с первых страниц произведения писатель хотел сконцентрировать внимание читателя на действии. Перевод глаголов «сбились», «водит», «видно», «кружит» на азербайджанский язык прозвучал адекватно и удачно. При чтении данных глаголов в парах (сбились – водит, видно – кружит) можно раскрыть суть характера Степана Трофимовича, а также всего произведения. На азербайджанском языке эпитафия звучит так: «*Yolu azmışıq biz nə edək? / Görünür, çöldə bizi şeytan gəzdirir / Və hər tərəfə fırladır*» (Dostoyevski, 2011, с. 15). «При переводе эпитафия притягивает внимание момент использования слова “водит” (“gəzdirir”). Дело в том, что, хотя главный герой романа Ставрогин, а “главный учитель”, не понимающий своей главной роли беса, не зная куда вести и других, зовущий их за собой – это Степан Трофимович» [Umudova, 2016, с. 249]. Именно в слове «водит» есть оттенок значения «попросту», «от нечего делать», «бесмысленно», «туда-сюда» и т.д. Это представление переводчик сумел сохранить и воссоздать на переводимом языке. Еще одна, на первый взгляд кажущаяся незначительной, деталь – восклицание пушкинского человека, сбившегося с пути («*Сбились мы. Что делать нам!*»). В переведенном тексте Достоевского эта фраза находит отражение в форме возмущения («*Yolu azmışıq biz nə edək?*»), что характеризует вмешательство в интонационную эмоциональную окраску оригинала.

Степан Трофимович как представитель целого молодого поколения в романе ведет за собой Ставрогина, Петра, Лизу и др. «Бесь», как уже было сказано выше, это роман характеров, здесь каждый образ обладает неповторимым, своеобразным, в то же время закодированным и по этой причине таинственным характером. Каждый характер, мастерски созданный Достоевским, добавляет новое значение идейному содержанию произведения. «Начиная с 60-х годов XIX века Достоевский создает живые образы героев-идеологов, характеризует их как с нравственной, так и с идеологической стороны» [Тагъева, 2020, с. 74]. На примере характера главного героя, в душе которого наряду с западными ценностями и жизненной философией живут также русские национальные ценности и религиозно-нравственные принципы, постараемся исследовать качество перевода всего произведения, тем самым создать общее представление о тексте романа на азербайджанском языке, о мастерстве его переводчика и т.д.

В лице Ставрогина Достоевский создал трагедию сильной личности, оторванной от народной почвы, потерявшей свои нравственные ценности и представления о добре и зле. М. Коджаев,

прежде чем переводить текст романа «Бесы», исследовал всю галерею образов и характеров и отнес Ставрогина к категории «лишних людей» [Коджаев, 2007, с. 237]. С этой мыслью сталкиваемся и у других исследователей, например, Г.И. Егоренкова пишет: «Ставрогин последний из цепи “лишних людей”, дальше типа Ставрогина уже ничего не может быть. Дворянство, по мысли Достоевского, исчерпало себя, породив в этом типе свою кульминацию и свой финал» [Егоренкова, 1978, с. 487].

Писатель создает неповторимый образ, перед глазами читателя герой оживает во всей красе. Повествователь представляет его так: *«Это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти, и, признаюсь, поразил меня <...> это был самый изящный джентльмен из всех, которых мне когда-нибудь приходилось видеть, чрезвычайно хорошо одетый, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному благообразию. Не я один был удивлен: удивлялся весь город»* (Достоевский, 1974, с. 37). Сравнивая приведенные примеры на двух языках по предложениям, видим, что сохранен синтаксис, лексика, стиль писателя, и поэтому эпизод первого знакомства со Ставрогиным передан полноценно: *«Bu, çox gözəl cavan bir oğlan idi, iyirmi beş yaş olardı, etiraf edirəm ki, o məni heyran etdi... o, indiyədək gördüyüm centilimenlər içərisində ən gözəli idi; çox qəşəng geyinmişdi, özünü nəcib, xoş görkəmə vərdiş etmiş cənablar kimi aparırdı. Təəccüblənən təkə mən olmadım: bütün şəhər heyrətində idi»* (Dostoyevski, 2011, 52). Выражения «очень красивый молодой человек», «самый изящный джентльмен» были первыми оценками Ставрогина, полученными со стороны общества. Портрет этого героя в изображении хроникера приводится далее: *«Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску; впрочем, многое говорили, между прочим, и о чрезвычайной телесной его силе»* (Достоевский, 1974, с. 37). На азербайджанском данная цитата выглядит так: *«Məni bir də onun sifəti heyrətə gətirmişdi: saçları çox qara idi, açıq-rəngli gözləri isə sakit və aydın görünürdü, sifətinin rəngi çox incə və ağ idi, yanaqlarının allığı çox parlaq və təmiz idi, dişləri sadəf, dodaqları kəhrəba kimi, – gözəl şəkllə bənzəyirdi, lakin eyni zamanda da, sanki, mənfur idi. Deyirdilər ki, onun sifəti maskanı xatırladır; amma çox şey deyirdilər, bununla yanaşı onun fiziki qüvvəsi barədə də çox danışdılar»* (Dostoyevski, 2011, с. 53). Портрет Ставрогина оставляет

двойственное впечатление: с одной стороны, природные данные – красота и сила, с другой – какая-то искусственная искаженность, отвратительность и духовная деформированность. Достоевский передает неподражаемую красоту. Но в этой красоте есть и противоречивость: черные волосы и светлые глаза; белое, румяное лицо, жемчужные зубы и отвратительное лицо, напоминающее маску. Противоречивая красота Ставрогина путем верного подбора цветовой гаммы оживает в представлении читателя как в переведенном тексте, так и в оригинале. Адекватные эпитеты М.Коджаева «жемчужные» и «коралловые» подчеркивают внешнюю привлекательность героя, и их можно считать достоверной находкой переводчика. «Теоретики перевода утверждают, что переводчик должен выбрать для передачи существенные, характерные элементы национально-культурной специфики оригинала, не забывая, как творец о собственных национально-характерных чертах, без которых не мыслима жизнь перевода в новой среде» [Новрузов, 1990, с. 12]. Очень интересны определения, характеризующие портрет: с одной стороны, «писанный красавец», а с другой – «отвратителен» – что это означает? Портрет Ставрогина, как и его характер, носит двойственное значение, его внешней красоте противопоставляется внутренняя порочность, что в переводе находит свое четкое изображение.

Из вышеприведенных цитат становится ясно, что Ставрогин не только красивый, но и физически сильный человек. Ключевое место в раскрытии характера этой сильной личности занимает сцена пощечины, полученной от Шатова, можно сказать, на глазах у всех в имени, когда он вернулся домой из Швейцарии. Найдем этот эпизод в оригинальном тексте: *«Едва только он выпрямился после того, как-то позорно качнулся на бок, чуть не на целую половину роста, от полученной пощечины, и не затих еще, казалось в комнате подлый, как мокрый какой-то звук от удара кулака по лицу, как тотчас же он схватил Шатова обеими руками за плечи; но тотчас же, в тот же почти миг, отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной. Он молча смотрел на Шатова и бледнел как рубашка. Но странно, взор его как бы погасал. Через десять секунд глаза его смотрели холодно и – я убежден, что не лгу, – спокойно. Только бледен был он ужасно»* (Достоевский, 1974, с. 166). Повествователь сравнивает лицо Ставрогина в тот момент с лицом человека, который держит в руках закаленное железо. А. Волынский называет его «умственным гипнотиком» [Волынский, Флексир, 1906, с. 359], Л. Гроссман – «голым мозгом» [Гроссман, 1926, с. 34], а С. Аскольдов характеризует его как «кантовский интеллигибельный характер»

[Аскольдов, 1924, с. 22]. Как видно из приведенного выше отрывка, Достоевский тончайшим образом представляет и внутренний, и внешний мир человека. В тексте Коджаева, как и в оригинале, находит свое отражение восторжествование холодного ума и железной воли над чувствительной природой и страстью мщения, происходит доминирование рассудка над чувством. «Рассудок – это единственный демон Ставрогина. Рассудок заполнил и заколдовал его душу, его живые инстинкты и нравственные возможности» [Коджаев, 2007, с. 240]. В тексте перевода ясно слышен резонанс звука пощечины, разносящийся по комнате: *«O aldiği zərbədən son-ra biabırçı şəkildə boyunun, az qala, yarısı qədər yana səndirlədi, sonra təzəcə özünü düzəltmişdi ki və sifətə dəyən yumruq zərbəsinin alçaq, nəmli səsi, deyəsən, otaqda hələ kəsilməmişdi ki, o, ikiəlli Şatovun çiyindənən yapışdı; amma elə o dəqiqə, az qala, elə həmin an hər iki əlini geri çəkdi və əllərini öz arxasında çarpazladı. O susur, Şatova baxır və get-gedə rəngi ağarırdı. Qəribədir ki, onun baxışları, sanki, sönmürdü. On saniyədən sonra artıq gözləri soyuq və – əminəm ki, yalan demirəm – sakit nəzərlərlə baxırdı. Ancaq rəngi olduqca qaçmışdı»* (Dostoyevski, 2011, с. 211-212). «Спокойный, холодный» («soyuq, sakit») взгляд Ставрогина говорит о его гневе. Но переводчик почему-то переводит «пощечину» как «удар».

Вернувшийся из зарубежья Ставрогин не прежний, это возвращение – начало какого-то нового этапа. Достоевский опять словами повествователя притягивает внимание к изменению черт лица: *«Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно «походило на маску», как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества. Теперь же, – теперь же, не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску. Не оттого ли, что он стал чуть-чуть бледнее, чем прежде, и, кажется, несколько похудел? Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде»* (Достоевский, 1974, с. 145). Писатель с тонкостью отмечает произошедшее изменение; так как на лице героя уже нет «маски», он смотрится еще красивее. Как справился с этой задачей переводчик? *«Amma bir şey məni heyratə gətirdi: əvvəllər onu qəşəng kişi adlandırsalar da, onun sifəti, həqiqətən də, cəmiyyətimizin bəzi diliaci xanımlarının dediyi kimi, “maskaya oxşayırdı”. İndi isə, indi isə, bilmirəm nədən, o, elə ilk baxışdanca mənə gözəl kişi kimi göründü; artıq onun sifətinin maskaya oxşadığını da heç cür söyləmək olmazdı. Bəlkə də ona görə ki, rəngi əvvəlkindən solğun idi və deyəsən, bir az da arıqlamışdı; ya da ola bilsin ki, indi onun baxışlarında yeni bir fikrin şərtləri vardı?!»* (Dostoyevski, 2011,

с. 188). Встречающиеся с самого начала до конца цитаты слова «но», «не знаю почему», «не оттого ли», «кажется» сохранены в переводе как они есть. Эти вспомогательные части речи, с первого взгляда кажущиеся незначительными, на самом деле шаг за шагом приближают читателя к пониманию настоящего состояния Ставрогина: «новая мысль светилась теперь в его взгляде?» Достоевский в этой части романа не показывает весь процесс изменения героя, завершая мысль вопросительным знаком, старается заставить читателя задуматься. М. Коджаев же, зная суть характера, к вопросительному знаку добавляет восклицательный.

Тонкости характера Ставрогина также находят свое отражение в общении с женщинами. Отношение к Ставрогину таких женщин, как Лиза, Дарья освещает его личность с разных сторон. Будучи представителем высшего общества, Лиза никогда не смогла бы понять Ставрогина, по этой же причине и не могла бы простить. Приведем цитату из сцены их последнего свидания: *«у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете?»* (Достоевский, 1974, с. 401). Николай хочет признаться в мучившей его сцене самоубийства Матрешы, но Лиза не дает ему такой возможности. Обратимся к азербайджанскому тексту: *«onda, hələ İsvəçrədə olarkən düşünürdüm ki, qəlbinizdə nəşə dəhşətli, çirkin və qanlı bir şey vardı və... eyni zamanda elə bir şey ki, o, sizi olduqca gülünc vəziyyətə qoyur. Əgər bu doğrudursa, onu mənə açmaqdan çəkinin: sizə rişxənd edəcəm. Ömrünüz boyu sizə güləcəm... Ah, yenə də rənginiz qadır?»* (Dostoyevski, 2011, с. 515-516). М. Коджаев сумел сохранить неполные, высокомерные мысли Лизы, не нарушив эмоциональность речи. Из безукоризненного азербайджанского текста также понятно, что Лиза для него – это светский уровень сознания и личности. Лизе, в том числе и всему светскому обществу, недостает сострадания, способности смотреть на чужие грехи как на свои собственные. Лизе не нужен грешный и преступный Ставрогин, и у него остается единственная надежда – Даша.

Дарья, в отличие от Лизы, – женщина, сумевшая вернуть Ставрогина на национальную почву, понять его, простить все его грехи. Именно поэтому в ответ на ее слова *«не хочу быть вашей милосердной сестричкой»* Николай пишет письмо, заявляет, что уедет из России и зовет ее в «сиделки». Из этого письма становится ясным отношение Николая к родине, Богу, самой Дарье: *«В России я ничем не*

связан – в ней мне все так же чужое, как и везде. Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить; но даже и в ней ничего не мог возненавидеть!» (Достоевский, 1974, с. 513-514). На азербайджанском языке: «*Rusiyada heç nə ilə bağlı deyilmə – burada hər şey, hər yerdə olduğu kimi, yaddır. Doğrudur, Rusiyada yaşamağı digər yerlərdən daha çox sevməmişəm; amma burada da heç nəyə nifrət edə bilməmişəm!*» (Dostoyevski, с. 661-662). Сравнивая оригинал и перевод, приходим к выводу, что и в переводе предложения лаконичны и соответствуют оригиналу. Переводчик наверняка знает, что эти мысли многократно повторялись в уме и, отшлифовываясь, давно сформировались. Далее Ставрогин пишет: «*Друг милый, создание нежное и великодушное, которое я угадал! <...> Ваш брат говорил мне, что тот, кто теряет связи со своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели. Обо всем можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Все всегда мелко и вяло*» (Достоевский, 1974, с. 514) («*Əziz dost, tanıya bildiyim incə və alicənab məxluq! <...> Qardaşınız mənə deyirdi ki, kim ki öz torpağı ilə əlaqəni itirir, o, özünün Allahlarını da, yəni öz məqsədlərini də itirir. Hər şey barədə mübahisə etmək olar, amma məndə heç bir alicənablıq və heç bir qüvvə olmadan təkə inkar özünü biruzə vermişdir. Hətta inkar da olmamışdı. Hər şey həmişə cılız və sönükdür*» (Dostoyevski, 2011, 662-663)). В приведенном отрывке переводчик вмещивается в стиль Достоевского, в некоторой мере приближая стиль речи героя к литературным нормам. Слово «тот» в начале придаточных предложений заменяется синонимичными вариантами («кто», «он»).

Открытое признание Ставрогина – это самая сильная часть произведения, его смысловой финал. Это признание, вошедшее в главу «У Тихона», создает возможность целиком проанализировать трагедию Ставрогина, и как узловая точка адекватно помещается в переводимом тексте. Эта часть, очень редко входившая в русские издания, не была включена даже в тридцатитомное собрание сочинений писателя, и произведение осталось как бы незаконченным. М. Коджаев, исследователь творчества Достоевского, добавляет эту главу в текст романа на азербайджанском языке и, таким образом, возвращает произведению начальный облик, то есть форму, задуманную Достоевским, в результате роман заканчивается эмоциональным финалом.

Глава «У Тихона» настолько важна для раскрытия идеи произведения и характера Ставрогина, что ее в отдельности можно превратить в тему нового исследования. Рассмотрим несколько

примеров из вышеупомянутой главы. Ставрогин признается отцу Тихону в своем самом тяжком преступлении – в соблазнении Матрешы. Объясняя свои поступки, он пишет: *«Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение. Точно так же и в минуту преступлений, и в минуты опасности жизни... Не подлость я любил (тут рассудок мой бывал совершенно цел), но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости»* (Достоевский, 1974, с. 14). Эти рассуждения на азербайджанском языке звучат следующим образом: *«Həyatım boyu düşdüyüm son dərəcə biabırçı, olduqca alçaldıcı, əclaf və əsasən də, gülməli vəziyyətlər daim məndə hədsiz qəzəblə yanaşı, olmazın nəşə duyğusu oyadırdı. Eyniyə də cinayət anlarında və ya həyatım üçün təhlükəli anlarda. Əgər nəyisə oğurlasaydım, oğurluq edən anda əclaflığımın son dərəcəsindən nəşə hissi duyurdum. Mən əclaflığı sevmirdim (burada idrakım tamamilə yerində olurdu), amma alçaqlığın əzablı dərkindən irəli gələn nəşə xoşuma gəlirdi»* (Dostoyevski, 2011, с. 677). Из слов героя становится ясным, что его жажда к преступлению или грязным проступкам, пусть даже в такой ужасной форме, происходит из желания понять человеческие чувства. Переводчик совершенно адекватно выразил желание Ставрогина вернуться в «живую жизнь». Не может быть иной мысли, чем «упоение мне нравилось от мучительного сознания низости», точно объясняющей характер Ставрогина, что четко прозвучало в переводе на азербайджанский язык.

После прочтения признания отец Тихон говорит Ставрогину: *«Некрасивость убьет <...> Есть преступления поистине некрасивые. В преступлениях, каковы бы они ни были, чем более крови, чем более ужаса, тем они внушительнее, так сказать, картиннее; но есть преступления стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, даже слишком уж не изящные»* (Достоевский, 1974, с. 27). В переведенном тексте читаем: *«Eybəcərlik öldürəcək <...> Elə cinayətlər var ki, onlar, həqiqətən də, eybəcərdir. Cinayətdə, onun necəliyindən aslı olmayaraq, nə qədər çox qan, nə qədər böyük dəhşət olarsa, o, o qədər də təsirli, necə deyərlər, gözəldir; amma ayıblı, biabırçı, heç bir dəhşəti olmayan, necə deyərlər, hətta həddən çox eybəcər cinayətlər də var...»* (Dostoyevski, 2011, с. 697). Нейтральные слова богослужителя «некрасивость», «не изящные» переведены как «уродство», потому что именно это ключевое слово подчеркивает основную идейную линию произведения. М. Коджаев намеренно стучит краски, эмоционально напрягая читателя. Для переводчика соблазнение Матрешы – это не

простой проступок, не обычный акт преступления, это – уродство, от которого нет обратной пути к спасению.

Вышеперечисленные цитаты были изображением тех мук, которые перенес Ставрогин, вспоминая историю с Матрешей. «Достоевский, живший среди убийств на каторге и часто сталкивающийся с гибелью людей, хотел предупредить человечество об опасностях пренебрежительного отношения к смерти» [Масолова, 2017, с. 7]. С целью забыть событие, мучившее его душу – оскорбление Матрешы, доведение ее до самоубийства – или же чтобы наказать самого себя, Ставрогин совершает новый проступок – женится на больной, юродивой Марье Лебядкиной по прозвищу Хромоножка. Интересно высказывание самого Ставрогина об этом событии: *«В это же время, но вовсе не почему-нибудь, пришла мне идея искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее. Я уже год назад помышлял застрелиться; представилось нечто получше. Раз, смотря на хромую Марью Тимофеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти в углах, тогда еще не помешанную, но просто восторженную идиотку, без ума влюбленную в меня втайне, я решил вдруг на ней жениться. Мысль о браке Ставрогина с таким последним существом шевелила мои нервы. Безобразнее нельзя было вообразить ничего»* (Достоевский, 1974, с. 20). М. Коджаев перевел эту часть с тонкостью исследователя-достоевсковеда: *«Elə bu vaxt, elə həmin səbəbdən də beynimə belə bir ideya gəldi ki, öz həyatımı nəşə mümkün qədər iyrənc şəkildə sındırım. Artıq bir ildir ki, özümü öldürmək fikrinə düşmüşdüm; əlimə bundan da yaxşı fürsət düşdü. Bir dəfə buralarda qismən qulluqçuluq edən, onda hələ aqlını itirməmiş, amma sadəcə coşğun idiot, üstəlik də, gizlində mənə vurulmuş olan (bu barədə bizimkilər öyrənib bilmişdilər) çolaq Marya Timofeyevna Lebyadkinaya baxaraq birdən-birə qərara gəldim ki, onunla evlənim. Stavroginin bu cür əskik məxluqla nikahı əsəblərimi tərpədir. Bundan eybəcər bir şey təsəvvürə gətirmək olmazdı»* (Dostoyevski, 2011, с. 687). Вникая в суть этих мыслей Достоевского, переведенных на азербайджанский язык, читатель становится очевидцем процесса раздвоения Ставрогина, его переживаний. Как один из ключевых моментов эта часть в переводе звучит удачно и громко. Ставрогин, чтобы *«искалечить... жизнь, но только как можно противнее»*, оценивает то, что *«представилось нечто получше»*. Действительно, *«безобразнее нельзя было вообразить ничего»*. В результате употребления переводчиком нужных слов в нужных ситуациях создается очень глубокая и ужасная гармония значения и содержания.

Таким образом, М. Коджаев в своем переводе не только смог сохранить сцены, раскрывающие характер Ставрогина, его внутренние

мучения, душевные переживания, но и озвучил их достоверно на азербайджанском языке. Переводить адекватно характер героя, занимающего главное место в идейном содержании романа «Бесы», – это значит презентовать произведение азербайджанскому читателю в правильной форме и верном содержании.

В целом, М. Коджаев, на наш взгляд, справился с этой трудной и ответственной задачей, и его первый перевод романа «Бесы» послужит основой для последующих переводов произведения. Работа М. Коджаева должна быть оценена как источник, сближающий два соседних народа, пропагандирующий творчество великого Достоевского в Азербайджане.

Литература

- Аскольдов С., Алексеев С.А. Психология характеров у Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. М.– Л., 1924. Сб. 2.
Волынский А.Л., Флексер А.Л. Достоевский. Спб., 1906.
Гроссман Л.П., Полонский В.П. Спор о Бакунине и Достоевском. Л., 1926.
Егоренкова Г.И. Проблема общественной психологии в романе Достоевского «Бесы». Трагедия Николая Ставрогина // Известия АН СССР. М., 1978. Вып. 6. Т. 37.
Коджаев М.К. Характеры и идеи Ф.М.Достоевского. Баку, 2007.
Масолова Е.А. Мотив смерти-воскресения в «Преступлении и наказании» Достоевского и в «Воскресении» Толстого // Филология и человек. 2017. № 3.
Новрузов Р.М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку, 1990.
Русско-азербайджанский словарь: в 3-х тт. Баку, 1990-1991.
Tağıyeva M.M. Fyodor Dostoyevski yaradıcılığının Azərbaycanca tədqiqi tarixi. Bakı, 2020.
Umudova K. F.M. Dostoyevskinin “Şeytanlar” romanının Azərbaycan dilinə tərcüməsinin semantik-üslubi problemləri // Elm və mədəniyyət zirvəsi. Bakı. 2016.

Список источников

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти тт. Л., 1981. Т. X.
Dostoyevski F.M. Seçilmiş əsərləri. Şeytanlar. III cild. Bakı, 2011.

References

- Askol'dov S., Alekseyev S.A. *Psichologija harakterov u Dostoyevskogo* [Psychology of Characters in Dostoevsky] *F.M. Dostoyevsky. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and Materials]. 1924. Comp. 2.
Volynskij A.L., Flekser A.L. *Dostoyevskij* [Dostoevsky]. St. Petersburg, 1906.
Grossman L.P., Polonskiy V.P. *Spor o Bakunine i Dostoyevskom* [Disput about Bakunin and Dostoevsky]. Leningrad, 1926.
Egorenkova G.I. *Problema obshhestvennoj psihologii v romane Dostoyevskogo "Besy"*. *Tragediya Nikolaja Stavrogina* [The problem of Social Psychology in Dostoyevsky's Novel

The Devils. The Tragedy of Nikolays Stavrogin]. Izvestiya AN SSSR. [News of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1978. Iss. 6. Vol. 37.

Kodzhaev M.K. *Harakteri i idei Dostoevskogo* [Characters and Ideas of Dostoyevsky]. Baku, 2007.

Masolova E.A. *Motiv smerti-voskreseniya v «Prestuplenii i nakazanii» Dostoevskogo i v «Voskresenii» Tolstogo* [The Motive for Death and Resurrection in the *Crime and Punishment* of Dostoevsky and in the *Resurrection* of Tolstoy]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.

Novruzov R.M. *Hudozhestvennyj perevod i problema vzaimodejstviya, vzaimoobogashheniya literatur* [Literary Translation and the Problem of Interaction, Mutual Enrichment of Literature]. Baku, 1999.

Russko-azerbajdzhanskij slovar' [Russian-Azerbaijani Dictionary]. In 3 vols. Baku, 1990-1991.

Taghiyeva M.M. *Fyodor Dostoyevski yaradıcılığının Azərbaycanca tədqiqi tarixi*. Bakı, 2020.

Umudova K.A. *F.M. Dostoyevskinin "Şaytanlar" romanının Azərbaycan dilinə tərcüməsinin semantik-üslubi problemləri* [Semantik-style Problems of F.M. Dostoevsky's Translation of *The Devils* into Azerbaijani]. *Elm və mənəviyyat zirvəsi* [Pinnacle of Science and Morality]. Baku, 2016.

List of sources

Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. In 30 vols. Leningrad, 1974. Vol. X.

Dostoevsky F.M. *Sechilmish eserleri. Şaytanlar*. III vol. Bakı, 2011.